

МИХАИЛ ПОПОВ

СТАЛИНСКИЙ ДОМ

ПОВЕСТЬ

Редактор был типичный — трубка, лысина, пуловер и какая-то печаль в глазах. Когда Степан Родионович сообщил ему, что сочинил семитомник, печаль сделалась ещё глубже.

— Но не принёс с собой.

— А что так? — поинтересовался редактор, вытащив трубку изо рта.

— Рекогносцировка, — кратко пояснил Степан Родионович.

— А? — редактор сунул трубку обратно. — Разведка?

— Рекогносцировка, — поправил его автор, — то ли вы издательство.

Тема — важнейшая. Путь России. Первый том — Россия, умытая кровью.

— Россия, кровью умытая, — привычно среагировал человек с трубкой.

Степан Родионович улыбнулся.

— Нет. Россия, умытая кровью. Второй том...

— Знаете, мы издаём только за деньги, — быстро сказал редактор.

— Вестимо, времена какие.

Тут в глазах издательского работника появилась первая искра интереса.

В комнату вошёл кто-то с бумагами в руках, но был спроважен.

— Вы понимаете, о каких суммах идёт речь? Семитомник у вас, кажется?

— Вы мне лучше про ваш портфель. Серьёзен ли? Мне девочки в неглиже на обложке не нужны.

Редактор вздохнул.

ПОПОВ Михаил Михайлович родился в 1957 году в Харькове. Окончил Литературный институт. Произведения автора публиковались в журналах "Наши современники", "Москва", "Юность", "Московский вестник" и др. Автор нескольких сборников стихотворений и более двадцати книг прозы. Лауреат ряда литературных премий. Живёт в г. Москве.

— Девочки на обложке у некоторых авторов вас не должны волновать. Мы выступаем и вполне солидно, вот. — Он порылся в столе и извлёк альбомного вида книгу. — Вот, если угодно, наша визитная карточка

— Что это? — Степан Родионович вынул из кармана очки.

На обложке читалось “Мы смертию пали”.

— Это о миноносце “Стерегищий”. Вы не на флоте служили?

— Я служил на земле, — веско сказал Степан Родионович. Он полистал книгу. Поднял взгляд на редактора, протиравшего очки с таким тщанием, как будто тут же собирался засесть за семитомник. — Но вы правы — капитан первого ранга.

— О-о.

— А ещё нет?

— Есть. Но пока в типографии. История уральских заводов.

— У меня тоже много про Урал. Хребет экономики.

Редактор надел очки.

— Как вас, извините, по имени-отчеству? — спросил гость.

— Оскар Борисович.

Степан Родионович пожевал губами, привыкая к непривычным очертаниям слов.

— Вы не могли бы мне посчитать?

— Чего посчитать? А, да. Семь томов. — Оскар Борисович придвинул к себе бумажный куб, отслоил от него страницу. — Семитомник. А по сколько листов том?

— По восемьсот.

— Я имею в виду... мы считаем по-другому. Наш лист — двадцать четыре страницы. Сорок тысяч знаков.

Степан Родионович закрыл глаза — считать в уме он мог только в темноте.

— Примерно тридцать.

— Понятно. Бумагу хотите хорошую?

— Хочу.

— Переплёт?

— Кожаный.

Оскар Борисович посмотрел вверх очков, и губы у него вытянулись в трубочку, как будто он хотел поцеловать клиента.

— Тираж?

— Я ещё не решил.

Редактор чуть наклонился вперёд.

— Ну, хотя бы порядок?

— Это будет зависеть от количества денег у меня.

— Резонно.

Оскар Борисович выпустил клуб дыма в сторону. Гость продолжал сидеть строго вертикально, слегка покручивая свою шапку в руках. Редактор отслоил второй листок бумаги, долго что-то на нём зачёркивал, наконец, получил окончательную сумму и придвинул его к заказчику, одновременно повернув.

— Это только за один том.

Ни один мускул не дрогнул на лице Степана Родионовича.

— Хорошо, — сказал он и встал.

Оскар Борисович развёл руки: мол, всё, что могу.

Капитан первого ранга прибыл на Войковскую, где располагались дома военных, обёрнутые в крокодилову кожу. Высокие железные ворота закрывали вход во двор, тихие, чистые подъезды, могучие лифты, высоченные двери, выходящие на площадку, — всё наводило на мысли о сдержанной силе и мощи среди развала и бардака, который впоследствии назовут лихими девяностыми.

Выйдя из лифта, Степан Родионович опешил. Дверь его квартиры была приоткрыта — неужели обворовали?! Его смущение ещё более усилилось,

когда он понял, что, судя по всему, грабители ещё находятся внутри. Слышались разговоры, раздавались шаги. Первым делом подумал о своих орденах, и тут же сразу — о жене. Один из голосов показался ему знакомым. Дверь распахнулась, и на площадку вышел молодой офицер, бросился к стоящему на этаже лифту. Через незатворённую створку Степан Родионович увидел своего старшего сына Валерия, тот стоял, выпятив значительный живот, в глубине коридора и что-то перелистывал, кажется, это были платёжки за коммунальные услуги. Он увидел отца и, засовывая бумаги в карман, двинулся к нему, разводя руки в дежурном каком-то объятии. Сердце Степана Родионовича ёкнуло по-новому: он уже догадался, что произошло, только ещё не сформулировал для себя смысл события.

Сын обнял его и сказал:

— Мама.

Степан Родионович подумал одновременно с этим: “Зина...” Да, она была плоха, ждали со дня на день, но всё равно неожиданность. Ноги заиграли, захотелось сесть. Сын почувствовал это и подвёл его к диванчику, стоявшему тут же рядом, у телефона. В коридор вышла дочь, младшенькая Нина, — невеликая, тихая, с испуганными глазами. Сразу же вслед за ней вышел её муж, который Степану Родионовичу никогда не нравился, — скромный провинциал; отцу, конечно, же, хотелось для своей кровиночки чего-нибудь поярче, но перечить не стал. А вот и Светка, эта одна, эта при муже журналисте-международнике. Светка бойкая, как однажды выразился Валера, свирепая до жизни. Как это они так сразу собрались? Как же они узнали? А, соседка зашла по делу и очень удивилась, что ей никто не открывает. Позвонила сыну.

Он посмотрел в сторону комнаты, которая ничуть не разгрузилась, выпустив всех детей в коридор.

— Милиция, “скорая”, — пояснила Светка.

Остальное прошло, как в полусне. Степан Родионович даже не ожидал, что он так накрепко связан со своей женой. Её уход чуть было не утянул его за собой. Но оставалось ещё дело, державшее его здесь. Он как бы плыл над поверхностью похоронно-поминальной суеты, ни до чего не касаясь и не удивляясь тому, что всё разрешается само собой, не требуя от него ни малейшего участия в делах. По традициям нового времени, состоялось отпевание, и Степан Родионович выстоял в церкви, что было положено выстоять, высидел на поминках, что положено по русскому обычаю высидеть, выдержал трёхдневный караул родственников, опасавшихся, не без основания, за его душевное здоровье, и, наконец, остался один.

Он встал в то утро, сварил себе кашу, сделал зарядку. Только потом сообразил, что надо в обратном порядке. Ничего, всё наладится. Со временем. Прошёл аккуратной, сосредоточенной походкой в кабинет. Там на столе лежали в семи стопках его тома. Взял в руки первый: “Россия, умытая кровью”, — полистал, положил на место. Взял том последний: “Россия, поцелованная Богом”, — открыл на последней странице, что-то сверил, шепча. Оставалось дописать несколько абзацев. Технология работы такая — сначала пером от руки, потом перепечатка на грохочущей, как трактор, “Москве”. Степан Родионович специально отставил в сторону иностранную мягкую “Оптиму”, чтобы в его работе никак не были задействованы иностранные влияния.

Взялся за перо. Ручка отличная, чернильная “Яуза”; занёс над бумагой... Замысел свой он сравнивал только с “Божественной комедией”. Три тома крови и страданий, три тома очистительной работы, и один том, собственно, состояния поцелованности Создателем. Только в одном погрешил Степан Родионович против конструкции великого флорентийца — не хватило на два тома райских описаний. Легче всего дались картины кошмара, в котором пребывала до определённого момента родина. Хлебнула горюшка, разнообразно и поверх головы. Тут не пришлось ничего выискивать и выдумывать, мрачных фактов в избытке, кровищи — бочки, расстрелы и застенки. Что касается чистилища, тут уже пришлось потрудиться, повыискивать и в глубинах своей памяти, и в литературе примеры самоочистительных

практик. Многое осталось как бы под вопросом, потому что не всегда можно провести чёткую разграничивающую линию между самоочищением и самобичеванием. Но вот уже райские картины дались Степану Родионовичу с трудом адским. Он, в конце концов, дал послабление, всего лишь в одном томе сформулировать концепцию счастливого существования. Объяснил всё тем, что со времён мрачного Средневековья ужалась, как шагреновая кожа, райская действительность. Лишний факт в пользу необходимости такого семитомного труда, который был предпринят капитаном первого ранга.

Название он дал своему труду ёмкое — “Сталинский дом”.

А что, были примеры в истории. Вон Гегель из всех своих диалектик вывел, что вершиной мирового государственного процесса является Прусское королевство, а персонально на самой вершине он, философ. Степан Родионович решил, что он намного скромнее немца и остался в качестве всего лишь заинтересованного наблюдателя, в проводники себе взяв не кого-нибудь, а Солженицына. Причём отношения у него с классиком строились отнюдь не снизу-вверх, сплошь и рядом Степан Родионович ставил Александру Исаевичу запятую, а то и вовсе громил за несообразность и нелепый ход рассуждений.

Итак, он взял в руки перо.

Раздался звонок в дверь. Кто бы это мог быть? Степану Родионовичу никто не был нужен. Не открывать? Он бы и не открыл, но ведь подумают, что умер, и начнётся свистопляска. Пошёл в прихожую. Щёлкнул замком. На пороге стоял Валерий.

— Здравствуй, папа.

— Здравствуй.

— Можно войти?

— Ты зачем пришёл? — Не дожидаясь ответа, Степан Родионович пропустил сына внутрь, сам испугался своего слишком жёсткого вопроса.

Войдя внутрь, Валерий прошёлся по коридору, как будто осматривал совершенно чужую ему квартиру, оценивая.

— Чаю предлагать тебе не буду. Я работаю, — становясь похожим на старого князя Болконского, сказал Степан Родионович.

Валерий как раз находился напротив открытой двери кабинета. Если бы она была закрыта, он бы не посмел войти, а тут посмел.

— Извини, что отрываю тебя, папа... Это, конечно, грандиозное произведение, особенно про десять сталинских ударов, мне иногда даже снятся... Я, ты понимаешь ли, ни у кого, ни у Бондарева, ни у кого не читал ничего равного по силе...

— Был у издателя, — почему-то мстительным тоном сказал Степан Родионович.

— Да-а?

— Собираются издавать.

— Всё?

— Конечно, всё.

— Ну, тогда...

— Что тогда?

Валерий сел в кресло, как будто силы у него были только на одно существенное действие — или стоять, или говорить.

— Понимаешь, папа...

— Понимаю. Квартира.

— Ну, да, — с неожиданным вызовом сказал сын. — Я ведь не по своей воле, или, скажем так, и по своей, но под давлением... Верка...

— Не изображай из себя подкаблучника, когда тебе это выгодно. При чём здесь Верка? Не сваливай на жену.

Валерий выпрямился в кресле, как будто в нём проявилась неожиданная решимость.

— Почему не сваливай? Вернее, я хочу сказать, мы четвером живём в двух комнатах.

Раздался звонок в дверь. Степан Родионович повернулся в сторону входной двери и злорадно улыбнулся:

— А Светка втроем в однокомнатной.

— Ты ещё Нинку вспомни, она вообще снимает.

— Это да, это правильно, — сказал хозяин квартиры, направляясь открывать дверь.

— Я и хочу, чтобы у всех чуть-чуть улучшились условия. Мы сюда, Светка на моё место, Нинка сможет не снимать...

На пороге стоял юноша лет восемнадцати. С конвертом в руке. Почтальон из совета ветеранов, догадался Степан Родионович. Они никогда не опускают письмо в ящик.

— Приглашение?

— Так точно.

Второй лифт остановился на площадке. Из него вышла дочь Светлана. Степан Родионович развернулся и пошёл внутрь квартиры. Дети осторожно последовали за ним. Чтобы показать своё отношение к ситуации, капитан первого ранга сел за стол и углубился в чтение. Валерий и Светлана стояли на пороге комнаты, не зная, что предпринять.

Степан Родионович перевернул страницу, не глядя в их сторону.

Валерий нашёлся, наконец:

— Папа решил издать свой труд.

Светлана тут же отреагировала:

— Олег мне говорил, что написано очень сильно. Даже сравнил папу с адмиралом.

Степан Родионович искоса стрельнул взглядом.

— Нет, правда. С... Шишковым, ведь был такой, да?

Отец кивнул. Вообще-то следовало отринуть от себя “незаслуженные титулы”, но уж больно точное попадание. Конечно, адмирал. Как он сам не подумал...

— Он ещё сказал, Олег, что во время грозы... двенадцатого года именно адмиралу предложили составить обращение. К народу. Читали в церквях. Был там ещё один говорливый...

— Сперанский, — коротко помог отец.

— Да, он. Ему не доверили. А адмиралу доверили. С ветхозаветным слогом в дни бед уместнее всего обращаться к народу. Правильно, папа? Олег прав, да?

Степан Родионович встал. Насчёт Олега он не удивился. Тот всегда держал нос по ветру и из этого ветра выуживал чужие мысли, очень уместные в том или ином разговоре. Отсюда и слава о его образованности.

— Значит, говоришь, сильная вещь?

Вопрос был обращён к дочери, но ответил сын.

— Очень, папа, очень. Тебе надо пойти в издательство, сейчас их полно, и немедленно печатать.

Степан Родионович искоса посмотрел на него.

— Я же тебе сказал только что, что ходил уже.

— Ну, вот я и соглашаюсь с тобой.

— Да, — коротко подтвердила дочь.

Степан Родионович прошёлся по кабинету.

— Позвоню сейчас Нине, если она скажет, что надо издавать...

Телефон был старинный. Вообще кабинет выполнен в прежнем тоне. Лампа, дубовые панели, тяжёлый тумбовый стол, тяжкие портьеры.

Трубку долго не брали.

— Спит, — ухмыльнулся Валерий.

— Извини, доча, разбудил. Да ты не стесняйся, скажи, разбудил, старый идиот. Ладно, ладно, вопрос у меня ещё более неуместный в такое раннее утро, чем звонок. Я тут задумал издать свой труд. Да, издавать. Полностью, все семь томов. Как, по-твоему, стоит? Чего ты молчишь? Ну, ты скажи, как тебе, ты хоть полистала? Ах, полистала.

Степан Родионович замолчал. Слушал, речь Нины. Выражение лица его не менялось, но чувствовалось, что он слышит что-то непривычное и необычное.

— Я догадываюсь, что ты меня любишь. Как отца любишь, а не как

мыслителя. — На губах капитана первого ранга мелькнула улыбка. — Ну, ладно, ладно.

Повесил трубку. Поднял глаза на старших детей.

— Говорит, что не поняла ничего. Что не может судить. Любит меня как отца, а насчёт печатания ничего сказать не может.

Старшие дети переглянулись.

— Что это с ней? — сказала Светка, но как бы от обоих.

— Папа, — начал было Валерий.

— Идите с Богом.

На самом деле Степан Родионович пребывал в некотором смущении. В реакции младшей дочери он был уверен, как в себе. Если уж Валерка со Светкой находят какие-то слова, то Нина могла бы...

Закрыв за старшими дверь, капитан первого ранга вернулся в кабинет. Он собирался поразмышлять над тем, годится ли в употребление новый эпиграф. Он случайно натолкнулся на строфу молодого поэта, и теперь, открыв первую страницу своего труда, положил выписанное четверостишие поверх названия и задумался.

*Под мерный благовест дождя
Мы обживаем сумрак синий,
Где позади — портрет вождя,
А впереди — Христос в пустыне.*

Стихи, он чувствовал, хорошие, и собирался всласть поразмышлять над тем, стоит ли ставить их на такое ответственное место в рукопись. Но телефонный разговор с младшей дочерью вторгся в стройное, возвышенное размышление. Всё же Степан Родионович испытывал сильнейшую досаду. Как же она могла так? Он специально отдал ей первый экземпляр рукописи, чтобы облегчить чтение. Он был уверен, что Нина прочтёт, в отличие от старших, которые только полистают, а оно вон как обернулось! Представить себе, что Нина просто невнимательна и за заботами забыла об отцовском вершинном труде, он не мог. Что значит это её заклинание — люблю как отца, а остальное... Ерунда какая. Разве непонятно, что он весь сейчас воплотился в эту рукопись, и любить его без объединения с ней невозможно. Кто он такой без этого труда, усталый, теперь уже одинокий пенсионер, никому не интересный и не нужный... Поверхностная реакция старших детей им была предугадана. Они, конечно, оцепенели перед величием сделанного, пошуршали у подножия громадной горы, увидели, что до вершин добраться не в силах, и решили отделаться общими словами. Всё же общее понимание их не обмануло — что величественно, то величественно. Он, например, свою покойную супругу и не просил высказываться по поводу рукописи, хотя, бывало, и зачитывал ей целые страницы. Она только плакала или вздыхала. Последние несколько месяцев она была без сознания, и работа над "Раем" шла без неё. Хотя в самом её начале она ещё способна была что-то понять. Но инерция воспитания, наверно, заставляла её пугаться самых наиболее решительных умозаключений мужа. Когда он заявил, что закончит дело, начатое Гоголем Николаем Васильевичем, напишет не только второй том, но и третий, с ней сделалось нехорошо. Степан Родионович понимал, что резкое ухудшение, вплоть до потери сознания, любимой жены, не может быть связано так уж напрямую с его умствованиями, но факт был фактом — Зинаида Ивановна перестала существовать как личность именно после этого разговора о третьем томе.

Но вот дочь... Что было теперь с этим делать?

Днём Степан Родионович отправился в совет ветеранов, ему не хотелось игнорировать приглашение. Пришлось посидеть в предбаннике. Генерал Гафуров Рифат Гумерович решил какой-то срочный вопрос. Входили в кабинет и выходили какие-то женщины с бумагами. Разговор там происходил, судя по всему, довольно нервный. Степан Родионович ничего хорошего от визита этого не ждал, даже явился в гражданке.

Наконец, пригласили.

— Садись, — пригласил генерал и стал тщательно причёсываться, хотя в этом не было никакой нужды. На углу стола высилась стопка томов собственного Степана Родионовича переплетения. Чёрный коленкор — три тома про умытую кровью Россию; коричневые — годы созидания и побед; голубая папка, не законченная — неожиданный в боевом советском офицере поворот в небеса. Капитан первого ранга искал человека, хотя бы одного, кто мог бы ему дать консультацию о рае Данте. Не нашёл. Он слишком хорошо помнил свой визит в профильный институт, выбранный в основном из-за географической близости к собственному дому. Помнил, как его изящно и аккуратно бортанули оттуда, сочтя, видимо, кем-то вроде городского сумасшедшего, несмотря на то, что туда он надел свой полковничий наряд.

— Садись, — повторил генерал, хотя Степан Родионович давно уже сидел. — Вот что я тебе скажу.

Капитан первого ранга посмотрел на генерала исподлобья.

— Это выдающийся труд. — Рука Рифата Гумеровича легла поверх стопки томов, так что ладонь генеральская оказалась на уровне головы. — Солгу, если скажу, что одолел все части твои. Занятость. Сергей Сергеевич также смотрел.

На этих именно словах вошёл всем известный заместитель, вертодел и крутоправ Сергей Сергеевич, толстяк с круглой, но недоброй физиономией. Вошёл, приложив обе руки к сердцу, оторвал руки и стал пожимать ладонь Степана Родионовича.

— Сильно, сильно.

Гумеров опять схватился за расчёску.

— Ну, что там у нас?

— Пишем письмо... а вот уже написали. — В комнату вошла одна из женщин, входивших к руководителю пару минут назад. Принесла листок бумаги и положила на стол.

— Что это? — рассеянно приложил сложенные очки к глазам руководитель.

— Испрос. Деньги на семитомник Степана Родионовича. — Сергей Сергеевич сел напротив гостя и промокнул лысину платком. Этот не сторгит на работе, слишком много выделяется из него жидкости.

Гумеров прочитал лист бумаги и протянул его гостю. Степан Родионович пробежал текст, отдал текст генералу, тот щегольски его подписал.

— Вы меня просто потрясли, — сказал Сергей Сергеевич, наклонившись вперёд, — как у вас про Пермь. Я ведь мальчишкой пришёл на завод в Мотовилихе. Спали в цехах. Всё для фронта.

— Да, — подтвердил генерал и напустил на лицо задумчивость, — а меня больше всего пронял расстрел Колчака. Герой, вам по морской части особенно дорог, но враждебность родине какова!

Степан Родионович шумно вздохнул.

— Так вы считаете, можно рассчитывать?

— А как же? Будущий финансовый год, — быстро сказал Сергей Сергеевич. — Сто экземпляров истребовали. Но всё равно оголяем фланг. Некоторые книги, нужные, придётся перенести.

— Новый финансовый год, это почти через год?

Генерал вздохнул.

— Финансовая дисциплина. Порядок.

Степан Родионович прикинул, сколько можно выручить за старую “Волгу”. Сто экземпляров — капля в море. Но капля камень точит.

— Спасибо. — Встал. — Я пойду.

Сергей Сергеевич быстро заговорил.

— У нас здесь обязательно презентация рукописи, в главном зале. Это, — он кивнул в сторону стопки переплетённых томов, — оставьте. Отдадим читать. Тема-то какая!

— Я думаю, через месяц, — сказал генерал.

Выйдя из здания совета ветеранов, Степан Родионович сел на детской площадке и задумался. Предстояло принять какое-то решение. Сегодня он закончит “Рай”, ему во всей отчётливости представилась последняя фраза книги. И всё, надо решаться. Книга очевиднейшим образом нужная. Вот даже Гафуров, о котором ходят совершенно чудовищные рассказы, не решился отказать. В коридоре совета ветеранов Степан Родионович натолкнулся на вечную активистку Шаболдаеву. Она, схватив его за лацканы гражданского пиджака, минут десять рассказывала ему, что за чудо его книга. Капитан первого ранга считал себя трезвым человеком, чтобы вестись на причитания Шаболдаевой, по его мнению, она вообще была неграмотная. Но, стало быть, даже людей малограмотных понимает. Свой труд он считал в целом довольно высокообразным. Столько ссылок, и ни разу он не опустил до очевидных расшифровок. Типа, маршал Конев — освободитель Праги. Только по-настоящему трудные, тёмные места шли в растолковывание. Одним словом, и для профессоров будет работа, надо же будет как-нибудь оценить весь гигантский материал и структуру его построения, и для людей типа Шаболдаевой, оказывается, небезынтересны его умствования.

Машина, да, машина. Старая “Волга”, купленная восемнадцать лет назад, но ввиду идеального стиля эксплуатации сохранившая не только бока, но и двигатель в идеальном порядке. Но всё равно, много не дадут. Гафурову он всё же не слишком верил — сто экземпляров практически через год... Кто же будет ждать, когда семитомник прожигает стол! Степан Родионович спокойно работал все эти годы, почитывая различные книжки с исторической полки в книжном магазине, Суворов-Резун был ему смешон, остальные вообще ничтожны. Так вот, он спокойно работал, но, когда книжка оказалась завершена, возникла болезненная почти тяга к её немедленной публикации. И потом, что значат сто экземпляров? Какую часть спроса это удовлетворит? Надо сразу грохнуть по общественному мнению. Да так, чтобы бесчисленные рецензенты оцепенели, а потом взорвались криками восторга. Тираж нужен немаленький.

Валерий Степанович ждал у подъезда.

— Что это ты замок сменил?

— Сломался, — уклончиво ответил Степан Родионович, ковыряясь неудобным ключом в теле нового запорного устройства.

— Замок?

— Да.

— Сталинский замок?

— Да что ты в самом деле, всему когда то-то приходит конец. Сталинскому замку тоже.

Дверь отворилась.

— Но мне-то ты дашь ключ?

Степан Родионович, словно не слыша его, снял туфли, надел тапки и пошёл внутрь квартиры, но не таков был сын его, чтобы сойти с темы, не добившись положительного результата.

— Послушай...

— Я дам тебе ключ. Позже. Пока есть только один. Надо сходить и сделать. Я потом схожу и сделаю.

Валерий Степанович был потрясён тем фактом, что отец его лжёт. И, главное, зачем? И так неумело... Ну, это от отсутствия практики.

Степан Родионович вошёл на кухню и поставил чайник.

— Хочешь чаю... — сказал он странным тоном, в котором не было вопросительной интонации.

Сын, наконец, нашёл решение проблемы:

— Я понимаю, тебе хочется кончить книгу в тишине, чтобы никто не врывался. Но я не могу не врываться. Ты должен понять моё нетерпение. Это как в тюрьме, когда осталось сидеть всего несколько дней, и они тянутся... Я не знаю, каковы твои финансовые возможности...

— Я был в совете ветеранов. Дают позицию. Но через год. Сто экземпляров.

— Ну, отлично. Или... тебя не устраивает? Что? То, что через год? Ну, вот ты меня, значит, поймёшь! Так вот, пусть она сохраняется, позиция эта. Мы возьмём свои меры. Повторяю, я не знаю, каковы твои финансовые дела... Ты, вероятно, решил продать машину. Могу помочь. Эти сто экземпляров будут у тебя через месяц.

Степан Родионович заварил чай, накрыл его тёплой тряпицей, сел спиной к окну, посмотрел на сына снизу вверх.

— Меня не устраивает сто экземпляров.

Сын тоже сел.

— Я хотел избавить тебя от необходимости продать машину. Ну, продай, пусть будет двести. Хотя, на мой взгляд, это не существенно.

— Что не существенно?

— Каким тиражом издать твой семитомник.

Степан Родионович уронил голову на грудь. До Валерия Степановича дошло, что он сказал чудовищную неловкость.

— Да, нет. Это замечательный труд, и... Послушай, как ты себе это представляешь?

— Что?

— Процесс издания?

— Давай пить чай.

— Не хочу.

Валерий Степанович встал, с трудом подняв свой могучий живот. Всё же была какая-то странность в том, что у такого сухого, подтянутого полковника такой животастый сын.

— Надо, папа, быть реалистом. Несмотря на очень большие достоинства твоей книги, есть еще законы рынка.

— Я слышал об этом.

— А вот если слышал, то прикинь хрен к носу, а потом нос к хрену, — взорвался вдруг Валерий Степанович и порывисто покинул кухню.

Сколько еще непреодоленных сложностей в отношениях между людьми! Степан Родионович не смог сесть за работу. Его слишком взволновал разговор с сыном. Он решил отправиться к Петровичу и поинтересоваться, в каком состоянии та самая машина, о которой шла речь только что. Петрович обитал в гаражах, был на все руки мастер, собственно, даже и звали его как-то иначе, но ему по роли его в обществе полагалось называться Петровичем, так его все и звали. Человек он был примерного поведения: “Хоть бы в рот хмельного...” Степан Родионович доверил ему не только свою “Волгу”, но и семитомник, желая знать мнение рабочего класса.

Метрах в трёхстах от подъезда располагались они, гаражи. У самого входа на территорию четыре мужика равнодушно забивали “козла”. В ответ на вопрос, где Петрович, хмыкнули, один махнул снаряжённой камнями рукой куда-то себе за спину. Там, мол.

Ступая по неровному асфальту, Степан Родионович прошёл по проулку, с одной стороны заросшему репейником, а с другой — засыпанному окурками, повернул. И тут же нашёл, кого искал. На вынесенном на воздух диване кто-то спал. Впрочем, можно было догадаться, кто. Просто не хотелось верить. Наверно, сильно устал, попробовал мысленно выгородить Петровича Степан Родионович, но это было напрасно.

— Что это с ним? — спросил он, хотя никого рядом не было.

Петрович похрапывал. Можно попробовать его разбудить, хотя зачем, он всё равно в таком состоянии не мог ничего путного сказать ни о машине, ни о книге. Степан Родионович подумал, что дал Петровичу первую часть, самую мрачную. Неужели до такой степени его разобрало? Ладно, пришлось разворачиваться и идти обратно. Возле любителей домино он остановился, не решаясь прервать их игру. Но они сами поняли, что он хочет поговорить на тему увиденного.

— Да вы не сомневайтесь, он правда не пьёт, — сказал самый молодой.

— Вчера пришёл весь в слезах! — вступил в разговор партнёр постарше.

— Что, его так разочаровала моя машина?

Все четверо дружно заржали. Потом говоривший первым пояснил:

— Машина действительно дрянь. Там всё сгнило, днище вот-вот отвалится.

— Но плакал он не поэтому, — вступил третий.

Степан Родионович не торопил события, ждал, когда они сами скажут, что это от прочтения его книги.

— Он там что-то читал, — сказал первый парень.

— Перечитал, — высказал мнение сосед, дулясь.

— Книгу? — спросил Степан Родионович. — А про что книга?

— Не знаю, что там за книга, — самый молодой громко шарахнул камнем по фанере, на которой лежали кости, — только про старину.

— А что там было в старину? — Спросил Степан Родионович, и понял, что это лишний вопрос. Пора уходить, самое главное он узнал. Мужчины вдруг все разом покосились на него — чего это он разведывает?

— До свидания, — сказал гость, — зайду завтра.

Оскар Борисович ждал его. Степан Родионович явился в форме, не в парадной, но всё же. Это как бы свидетельствовало — решение принято. Пришло время заключения договора. В прошлый раз капитану первого ранга показалось, что в издательстве довольнолюдно, в это посещение такое впечатление не подтверждалось. Не было никого, кроме секретарши, легкомысленного вида девчонки, что сидела за столом в приёмной. Такое впечатление, что действие должно состояться без свидетелей. Впрочем, возможно и более прозаическое объяснение — какой-нибудь неприсутственный день.

Оскар Борисович встретил гостя всё в том же пуловере и той же трубкой в углу рта, в фигуре чувствовалось какое-то плохо скрываемое недовольство. Степан Родионович насторожился — не услышит ли слова отказа.

— Садитесь, — сказал редактор и сел сам. Нажал кнопку на селекторе. Сейчас потребует чаю, подумал Степан Родионович и сел тоже.

— Маша, у вас готово?

— Айн момент, Оскар Борисович.

Толстые губы пососали негорящую трубку.

— Ну что, вы решились? Сегодня мы подписываем договор.

— Извините, но мне кажется, что вы чем-то недовольны.

Редактор ответил не сразу, так что это можно было истолковать как согласие с наблюдением автора.

— Мне не слишком нравится ваше название.

— Название выстраданное.

— В том-то и дело. Удивительно, что результатом вашей продолжительной мыслительной работы стало именно такое название.

— Другого быть не может. — Внутри у Степана Родионовича что-то сжалось. Ему вдруг показалось, что его сейчас отправят отсюда. Хотя секретарша явно печатает что-то, подразумевающее его, Степана Родионовича, наличие.

— Другого никак не может быть, я пришёл к выводу этому объективно, посмотрев на вещи за всю историю длительного существования нашего отечества. Именно эта фигура стоит в центре. Я же не апологет какой-нибудь.

— Вы не апологет, — вздохнул Оскар Борисович.

— Вы всё прочли?

Редактор ушёл от ответа, применив очень сильный ход.

— Дело в том, что мой отец и двое дядёв загремели по пятьдесят восьмой статье и сгинули в ГУЛаге.

— Сочувствую. — По тону было слышно, что сочувствует Степан Родионович формально.

— Да не сочувствуете вы ни черта! — холодно сказал редактор, и тут появилась Маша с текстом договора. Она бросила быстрый заинтересованный взгляд в сторону гостя и, указав какую-то цифру в тексте, спросила: — Это правильно?

— Это правильно, — вздохнул Оскар Борисович.

Степан Родионович подождал, пока секретарша уйдёт, и, собравшись с силами, начал было речь:

— Я бы не хотел...

— А я вот хочу, — сказал редактор. Он встал, подошёл к шкафчику, достал оттуда начатую бутылку коньяка и блюдец с нарезанным лимоном и рахат-лукумом.

— Я не пью.

— А я пью, — грустно ответил Оскар Борисович и достал из шкафа рюмки.

Договор ещё не был подписан.

— Я должен подписать первым?

Разливая коньяк по рюмкам, редактор кивнул.

— Да. Сказать по правде, генеральный просил вас подумать над другим названием. И я присоединяюсь к просьбе. Ну, что такое “Сталинский дом”!

— А что не так?

— Ну, во-первых, слишком близко лежит ассоциация — “Пушкинский дом”.

— Ну и что?

— Получается ненужная переключка с битовским романом.

— Кто такой Битовский?

Оскар Борисович осанисто выпил, закислолся лимончиком, закрыл от удовольствия глаза.

— Ладно, замнём для ясности. Будем считать, что ваш контекст шире.

— Если угодно.

— Одно непонятно: почему такой перекосяк? “Россия, умытая кровью” и “Выше стропила” по три тома, а “Россия, Богом поцелованная” — один том, да и тот, как я выяснил, не закончен.

— Теперь закончен. Одна только финальная фраза.

— Ну, да. “Пятый прокуратор Иудеи, всадник Понтий Пилат”.

Степан Родионович решил, что редактор бредит.

— О чём вы?

— Да так... — махнул рукой Оскар Борисович, наполняя свою рюмку. Гость только коснулся своей, даже не отпил.

Степан Родионович придвинул к себе листы бумаги и вчитался. Скоро стало понятно, что он не просто знакомится с узловыми местами договора, как-то — тираж, оплата, а читает всё подряд. Редактор откинулся в кресле.

— Сама по себе идея хороша. Из мрака обычной нашей жизни в жизнь новую. Полемика даже с христианской мыслью. Степан Родионович Трофимов может войти в царствие небесное, а Россия не может войти в царствие небесное, так считалось до сих пор, вы же решили, что через страдания и труд мы все вместе окажемся там, наверху.

Степан Родионович читал договор. Отложил первый экземпляр и взял второй.

— Под копируку, — сказал через некоторое время собеседник. Выпил вторую рюмку, бросил в рот кусочек рахат-лукума. — Мы так мало знаем о физике будущего мира. Даже Данте написал бессодержательнейшую книгу о рае. Только ради того, чтобы соблюсти гармоничность постройки.

— Не считаю так, — буркнул капитан первого ранга.

— Вы читали третий том?

— Естественно.

— Ах, вот вы на кого замахнулись!

— Я ни на кого не замахивался.

— Чего вы ждёте? Подписывайте!

— Я сомневаюсь.

Оскар Борисович заволновался. Наклонился вперёд, поставил взятую в руку бутылку на стол.

— Что так?

Степан Родионович пошёл на откровенность:

— Будет ли успех таким оглушительным, как я рассчитываю.

— А, — редактор успокоился, — успех вещь уклончивая. Мой знакомый режиссёр говорит: “Если зритель не пошёл, его уже не остановить”.

— Да нет, — досадливо поморщился Степан Родионович, — в окончательной победе сомнений нет. Где вы ещё столкнётесь с такой стройной и мощной концепцией? Но быстро ли это будет? Замедленная реакция может мне дорого стоить.

Это был скользкий момент, и началась со стороны Оскара Борисовича демагогия, хорошо поддержанная коньяком.

— Вы знаете, я держусь той точки зрения, что не уважать успех — не уважать народ! Неуспех иногда не заслужен, а успех заслужен всегда.

— Понимаю, вы не хотите отвечать на мой вопрос.

— Хочу, хочу отвечать на ваш вопрос, — опять забеспокоился редактор, — могу привести в пример “Божественную комедию”: её современники сразу же оценили. Кстати, вы, наверное, знаете, что там в тексте полно реальных личностей, в разных кругах ада, в основном.

— У меня тоже полно реальных личностей. Горбачёв, к примеру, и прочие “прорабы”.

— Да, — оживился Оскар Борисович, — Яковлев расписан щиро. Откуда, кстати, у вас эта информация, что он был гонителем братьев Стругацких?

— Верная информация, от участников.

— Впрочем, ладно. Подписывать-то будете?

— Да.

Степан Родионович проигнорировал ручку, предложенную издательством, достал из кармана свою, чернильную. Развинтил её и задумался. Оскар Борисович занервничал, хотя процедура имела ничтожное юридическое значение.

— А представьте себе другой способ одоления Гитлера, кроме Сталинской сверхмобилизации!

— В каком смысле?

— Ещё когда Сталин скупал в Америке заводы, чувствовалось, что он понимает, испытание какого рода предстоит стране. За двадцать лет до события.

— Ну, допустим.

— Из болот и лесов вылезшая лапотная Россия должна была столкнуться с самой передовой силой своего времени. Знаете, что перед Второй мировой войной шестьдесят процентов всех научных публикаций осуществлялось на немецком языке.

Оскар Борисович солидно кивнул, приветствуя одну восьмую немецкой крови в своих жилах, и солидно наполнил свою рюмку.

— У них уже было цветное телевидение; симфонический современный оркестр — это оркестр немецких народных инструментов; а философия...

— Что философия? Ах, ну да, ну да.

— Немцы, как ни странно, я пишу об этом, имели основания считать себя высшей расой.

— Да что вы?

— Вот вы ёрничаете.

— Нисколько!

— Желаете играть роль шута?

— Помилуйте, Степан... э-э ...Родионович!

— А между тем, Олимпийские игры. У нас стыдливо выставляют вперёд одного негритянского спринтера, забывая сказать, что по медальному зачету победила-то Германия. Так что, вот что — силу эту надо было как-то побеждать. Поэтому заводы без крыши над головой в Сибири, дети на ящиках. Какие там сверхскорости продвижения! Наполеон в сентябре был под Москвой на конной тяге, а Гитлеру потребовалось время до зимы.

— Вы обо всём этом пишете, — кивнул Оскар Борисович.

— Дом, который построил Сталин, наполовину завод, весь быт — койка и рукомыльник возле станка, однако русский народ сдюжил.

— Так и назвали бы “Русский дом”.

Степан Родионович помялся, видимо, редактор угадал его мысль, но природная честность требовала названия другого.

— Да, есть для этого основания. В сорок третьем был приказ — никого, кроме славян, в армию не призывать. Мелкие народы беречь.

— Ну.

— Но кем мы будем без справедливости? Гибли не только русские. Да и гибли тёмные аульщики без понятия, без света родины в сердце. Их использовали втёмную. Ну, правда, Сталин сказал свой тост.

— За русский народ? А у меня всё время ощущение, как у породистого коня, которого похлопывают по шее.

— Что вы такое говорите?

Оскар Борисович снова налил.

— Только не надо мне сейчас намекать, что я не вполне русский человек, и поэтому права не имею на такие чувства.

— Я и намекать не стану, я прямо скажу.

Редактор выпил.

— Обидели, а зря. Мои предки строили мосты по всей стране. И ни один из них не обрушился без помощи извне.

— Извините. Занесло.

— Нет, привычно. Знаете, как генерал Ермолов написал про Баркляя, когда того сняли и назначили Кутузова. Шотландец лица на себе не имел, а Ермолов: “Велики, должно быть, огорчения!”

— Наполеон — первый объединитель Европы.

— Вы подписывать будете?

Но разговор явно затягивался.

— Папа, ты замок сменил.

— Уже неделю как.

— Зачем?

— Света, я захотел сменить замок. Почему я должен отчитываться?

— Папа, вот это и наводит на мысли.

— Гони их, Свет.

— Я понимаю, ты считаешь меня идиоткой, но вот Олег...

— Что Олег?

Светлана уселась с размаху за стол, на котором Степан Родионович заваривал свой обычный крепкач, манипулировал с сосудами, любовался на просвет, чуть-чуть подсыпал сольцы.

— Ладно, Олег сейчас в отъезде, но он предсказывал, что ты захочешь продать квартиру.

Степан Родионович опустил руки. То ли сообщаемое было для него новостью, то ли свидетельством того, что его тайный план разоблачён.

— Нет, доча.

— Правда, нет?

— Хочешь, перекрещусь?

— Да не верю я в то, что ты веришь.

— Я верю в Россию, — усмехнулся Степан Родионович, но тут же почему-то внутренне осунулся, будто что-то вспомнив.

— Папа, ты должен мне дать слово, что даже ради своей прекрасной книги, а Олег говорит, что это выдающаяся книга, и я ему верю, ты не продашь нашу выдающуюся квартиру. Ведь мы получали её все вместе. Даже Нинка была уже на свете.

Степан Родионович отхлебнул чаю, поставил чашку на стол, встал прилительно по стойке смирно и сказал:

— Даю тебе слово, дочь, у меня не было в мыслях продавать квартиру. Хотя, когда пойдут продажи, деньги некуда будет складывать, поверь мне.

Лицо Светланы вытянулось.

— Так ты...

— Да, собираюсь издать. Уже закончил.

— А третий том? А Данте?

— Очень ужмусь. Нет у меня такого таланта, как у итальянца, не настолько я проник в тайны вещества, только политическая сфера мне даётся, надо понимать свои ограничения, оказываешься на зыбкой территории. Петрович мне отрегулирует машину, я ему звонил, ну и...

Степан Родионович прихлопнул себя по бедрам.

— Все вы получите своё. Понимаешь, как красиво получается. Хотя, если вдуматься, квартира в сталинском доме пошла на издание книги “Сталинский дом”. Пошла бы. А?

— Папа!

— Дал слово, дал.

— Письменного обязательства я с тебя брать не буду. Понимаешь, мы устали торчать в четырёх стенках, как в камере. Валерка переедет сюда, он всё-таки замдиректора, но и мы с Олегом не чужие тебе. Нинка устала снимать. Понимаешь... Что ты нахмурился?

— Да, Нина.

— Да, ладно тебе, не семи она палат ума, или как там надо сказать?

Но ведь любит тебя.

— Понимаешь, любить надо не меня, а моё.

— Ты стал такой сложный, папа. Большой мыслитель, говорю совершенно серьёзно, но мы-то простые люди, со своими маленькими радостями и горестями. Улучшение жилищных условий нас заботит больше, чем благо человечества.

Степан Родионович покивал головой.

— Ну, я поехала. На Нинку не сердись, она правда тебя любит.

— Передай Валере, что я зла на него не держу. Поговорили, повздорили. Видишь, он тебя подсылает.

— Я по собственной воле.

— Ладно, ладно.

Три дня спустя Степан Родионович вышел с чёрным дипломатом из здания банка “Изумрудный”, что на Комсомольском проспекте. Тревожно оглядываясь, он быстро продвинулся к ожидавшей его “Волге”. Там, на заднем сиденье, сидели два полковника, специально в форме по просьбе владельца машины. Он всё же опасался бандитского беспредела: вдруг кто-то из банковских шепнул уголовщине о том, что дедушка в погонах получает приличную сумму. Наслышан был о таких случаях. Два прежних сослуживца согласились помочь. У одного даже было право на ношение оружия — он всё ещё тянул ляжку, — второй пристал за компанию.

Усевшись за руль, Степан Родионович шумно выдохнул.

— Ну, первая часть предприятия завершилась. Едем на Мясницкую. Смотрите, ребята, в оба.

— Да ладно тебе, — сказал хриплым голосом тот полковник, что имел право на ношение.

— Послушай, — сказал второй, — а ты всё обдумал?

— И обдумал, и два раза обдумал, и три. Деньги не проблема. Книги нужно только довести до книжного магазина.

Сидевшие сзади переглянулись.

— Пойдут продажи, некуда будет складывать дензнаки.

Машина подъезжала к зданию МГИМО.

— Что вы там затаились, переглядываетесь, решили, что с глузду съехал?

— Да нет, — сказал тот полковник, что с правом ношения, — ты же мне давал смотреть наброски ещё. Замах чувствуется. И в издательстве схватились.

Степан Родионович хохотнул.

— Ещё бы! Такая сумма наличманом прямо им в кассу. Они-то думают, что используют дурака-полковника, а на самом деле, это я их использую. У них же общемосковская система распространения.

— Да, — сказал другой, более молодой полковник, — я читал вторую часть, вы же мне давали. Убойный материал, и изложено так, что...

— Старался.

Москва была подозрительно свободна, как будто все автомобилисты столицы решили предоставить полковнику режим наибольшего благоприятствования. Вот уже мы у Главпочтамта, минуем Чайный домик, ещё чуть-чуть...

— Здесь я просил бы вас пойти со мной. Дешёвый, конечно, приём, но количество погон сыграет свою положительную роль.

Встречал самый главный. Тут три полковника, там генеральный директор, какая-то сплошь военизация. Оскар Борисович был явно во вторых рядах со своей трубкой и пуловером. Сопроводили все вместе виновника яркого издательского события в бухгалтерию. Там, наконец, Степан Родионович успокоился.

У дверей бухгалтерии скопилась маленькая толпа из сотрудников издательства, а потом начала рассасываться. Собственно, всё интересное оказалось позади. Наконец, остались только два бравых офицера и Оскар Борисович — люди, имевшие непосредственное отношение к событию. Редактор посасывал пустую трубку и нахваливал Степана Родионовича.

— Редко встречающийся тип автора.

— Что вы имеете в виду? — поинтересовался вооружённый полковник.

— Такая вера в собственный успех встречается нечасто.

— Так вы что, считаете, что это предприятие с негодными средствами? — поинтересовался второй офицер.

Оскар Борисович достал трубку изо рта и нарисовал ею некую загогулину.

— Пути успеха неисповедимы. Налицо читательский голод в стране. Если б вы знали, что мы порою издаём!..

— Пойдите, пойдите, вы хотите сказать... — первый полковник спросил тоном, в котором явно чувствовалось табельное оружие.

— Нет, — отскочил редактор, — я считаю труд Степана Родионовича выдающимся произведением. Из ряда вон.

Тут появился герой разговора. Вид у него был опустошённый. Оскар Борисович чуть не кинулся ему на шею. Впрочем, его интерес в деле был предельно ясен.

— Ну, что же, вперёд. Не может быть, чтобы вы не заказали где-нибудь в приличном месте приличного столика по случаю такого события.

Тут полковники ничего не стали возражать, и Степан Родионович кивнул.

— Оскар Борисович, куда у вас обычно ходят после такой акции?

— В “Славянский базар” — после операций такого значительного характера, только туда.

— Ну, туда, так туда.

Разумеется, даже такой отчаянный человек не мог не оставить какой-то суммы на накладные расходы в период издательской компании.

— Правда, я рассчитывал переговорить о сроках с вашим генеральным директором.

— Там уже итальянцы, — верещал редактор, — а что касается информации о прохождении рукописи, я вам могу изложить всё наилучшим образом сам. Уже сегодня мы оплатим услуги типографии. Первый том всю читают корректоры, на днях мы с вами снимем вопросы и... Такие заказы, как ваш, Степан Родионович, на дороге не валяются!

Сели непосредственно у фонтана. Оскар Борисович взял управление ситуацией в свои руки. Такое впечатление, что он знал, на какую сумму может рассчитывать, потому что заказал ровно так, чтобы денег у Степана Родионовича хватило. Сыпал своеобразными редакторскими шуточками, рассказывал бородатейшие анекдоты из писательской действительности, благо слушатель благодарный, привыкший к немного брутальному военному юмору. Так что дело пошло, и скоро веселье стало искренним.

Поначалу сквозило в поведении редактора нечто, вызывающее сомнения, он, например, упомянул о том, что в “ту суровую пору” два его родственника сгинули в лагерях. Степан Родионович отлично помнил, что во время первого разговора было таких родственников три. Или всё же память подводила?

Постепенно коньячные пары окутали разговор, трёп Оскара Борисовича перестал казаться рискованным. Тем более что он не уставал клясться в глубочайшем почтении к труду своего подопечного.

Степан Родионович всё же спросил, как же так? Два или три? На что редактор беспечно махнул трубкой.

— Третий — Петренко, просто хороший знакомый, мы его считали членом семьи.

— А-а...

Разошлись непоздно, в полном убеждении, что дан старт значительному начинанию.

Перепрыгиваем сразу через несколько недель, наполненных разными видами томления, волнением, нетерпением, что овладевали всеми участниками семейно-производственной истории. Наконец рано утром, часов в девять раздался звонок в квартире уже три часа как не спавшего Степана Родионовича, и хриплый, может быть, даже похмельный полубас Оскара Борисовича выпустил в пространство долгожданную фразу.

— Тираж вышел, через пару часов его привезут.

Капитан первого ранга остался сидеть на кухонном стуле, на который опустился ввиду слабости ног, с трубкой в руке. Надо сказать, помимо радости, которая не могла его не охватить, на него напал ужас. Что теперь делать? Куда бежать? Может, даже самому придётся разгружать, хотя, скорей всего, об этом позаботятся. Надо ехать в издательство! Но рано. Степан Родионович уже изучил режим работы этого предприятия. Раньше полудня там никто не появляется. Надо позвонить Оскару Борисовичу для уточнения подробностей, но ведь известен только его рабочий телефон.

Как Степан Родионович провёл эти три часа, рассказывать мы не будем, лучше сразу переключимся на кадр, где он стоит перед штабелем, сложенным из больших пачек в два экземпляра книги: два толстых тома и один тоненький. Рядом иронически курит господин редактор, кутаясь в светлый небудительный плащик. На дворе, видите ли, осень. Ангар сырой, неухоженный, и в этом видится Степану Родионовичу какое-то смутное неуважение к его ослепительному труду.

Рядом с редактором — невысокий мужчина с бумагами в руках, он что-то там чёркает и смотрит на пирамиду “Сталинского дома” без должного почтения. Наверно, какой-то кладовщик. Так и оказалось. На попытку Оскара Борисовича представить автора он только махнул рукой, словно это не имело никакого отношения к делу, и протянул счастливому автору счёт.

— Что это? — спросил Степан Родионович, хотя все сразу понял.

— Ну, не бесплатно же здесь будет находиться это всё.

— Это что, не ваш склад?

— Да, не наш. У нас все забито.

— А-а...

— Пару пачек можете взять с собой, — вступил Оскар Борисович.

— Ну да, ну да... — Степан Родионович хотел всё же большей торжественности вокруг факта выхода в свет своего эпохального труда.

— А генерального не будет? — задал он совершенно неуместный вопрос.

Кладовщик аж кашлянул.

— Зачем?

— Я возьму пару пачек. И ваш счёт возьму. Только это вот что мелкими цифрами?

Мелкими цифрами была набрана довольно крупная сумма.

— Это за месяц вперёд.

— Угу.

— Ну, до свиданья, — сказал кладовщик и растворился.

— Кладовщики — люди без сердца, — заметил Оскар Борисович и полез в карман за чекушкой. Аккуратно отпил, даже не поморщился. — Утренний декохт, — пояснил он.

— Куда я со всем этим?

— На просторы мировой культуры, — сказал повеселевший редактор.

Долго скрывать истинное положение дел, конечно, невозможно. Во время очередного дежурного визита Валерий обнаружил в доме трёхтомное свидетельство того, что история не стоит на месте. Взял в руки голубоватый том с золотыми большими буквами, повертел: будучи тугодумом, он медленно осознал смысл произошедшего.

— Они сунули по три моих тома под одну обложку, а “Рай” пошёл отдельно, поэтому так странно выглядит, — сказал Степан Родионович.

Сын бросил на отца подозрительный взгляд и полез в конец книги, туда, где указывался тираж. Вслед за этим последовал другой взгляд — отчаянный.

— Пятнадцать тысяч, — прошептал он.

— Да, — с насильственной гордостью произнёс старик, — и знаешь, по сколько продаётся?

— Продаётся?

— Именно. Во всех магазинах. Даже на Калининском и в сотом магазине на Горьковской.

Валерий сглотнул слюну — не получилось. Сглотнул во второй раз.

— А сколько всё это стоило?

Степан Родионович прошёлся по кабинету. Скрывать дальше не имело смысла. Никакого. Пора давать объяснения. Сын поспешил с вопросом, поэтому можно было дать объяснение утешительное.

— Ты что, продал квартиру? — просипел Валерий.

— Нет.

— Нет? А откуда у тебя...

— Я взял кредит.

— Под залог квартиры? — Валерий вдруг стал соображать с повышенной скоростью.

— Можно и так сказать, — с достоинством ответил Степан Родионович.

— Но это же... просто замедленный способ потерять её, квартиру.

Капитан первого ранга решительно покачал головой.

— Пойдут продажи. Идут продажи.

Пузатый сын обрушился в кресло отца и стал похож на жабу.

— Ты меня, в общем-то, обижаешь этим своим недоверием, — пытаюсь перейти в атаку, сказал Степан Родионович.

И тут перешло превращение жабы в медведя.

— А ты меня не обижаешь? — вскочил Валерий. — Ты ради удовлетворения своей фантазии пустил по ветру единственное ценное родовое имущество и ещё смеешь мне говорить про обиды.

— Что значит — по ветру?

— То и значит. У тебя три внука, где они будут жить?!

— Здесь.

— Как ты считаешься с банком? Думаешь, кто-то сейчас посмотрит на твои заслуги и тебе простят должок?

— Почему должок? Поехали, посмотришь сам, всё стоит на полке.

— Будет стоять там до скончания века!

Тут впервые Степан Родионович почувствовал в словах сына нечто направленное не только против себя, но и против книги.

— Так ты хочешь сказать...

Валерий на секунду замер, но тут же волна несущего его гнева перебросила через мысленное препятствие.

— Да, я хочу сказать, что заработать на твоём “Сталинском доме”...

— Договаривай. — Голос Степана Родионовича сделался твёрдым, сын знал этот его голос. Последнее время отец не часто прибегал к такому тону, но со времён детства помнил, что следом последует что-то страшное.

Сын опять превратился в жабу, но жабу всё же способную к сопротивлению. Он опять сел в кресло и неуверенно проговорил:

— Сомневаюсь я, что ты заработаешь достаточно, чтобы расплатиться за квартиру.

— Так ты что, лгал мне всё время про то, какое это великолепное произведение?

Валерий очень тяжело вздохнул и покачал головой отрицательно.

— Нет, конечно, папа. Это очень сильно, очень много... мыслей важных. Но народу этого не нужно. Ему нужен детектив, балаган.

— Уходи.

— Папа.

— Чего я не потерплю, это двуличия.

Сын засопел, собираясь с силами.

— Что ты там раздуваешься, смотри не лопни.

— Да, на мой взгляд, это провальный проект. Ты просто капитан первого ранга, а не спаситель отечества.

— Договаривай. Возможно, это наш последний разговор.

Валерий опять вскочил с кресла, хватаясь за сердце и брызгая потом и слюной.

— Ты просто городской сумасшедший, которого развели, как лоха, и теперь там хохочут по углам. Не будет продаваться эта галиматья! — Он ткнул пальцами в голубой том. — Не будет, и жить тебе на улице.

— Уходи, а то я тебя застрелю.

Конечно, после этого Валерий освободил ринг.

В книжном магазине на Калининском книга Степана Родионовича продавалась в разделе “философия”. Это было лестно. Но это единственный бонус. Капитан первого ранга приехал на торговую точку и, пользуясь тем, что народу довольно много и затеряться довольно легко, устроился у полки с надписью “эзотерика” так, чтобы краем глаза наблюдать, как народ будет ломиться за “Сталинским домом”. Книгу, считал Степан Родионович, разместили неудачно, ниже уровня глаз и лишь корешками к будущему благодарному читателю.

Несмотря на то, что “Дом” занимал довольно солидное место на полке, никто за половину часа не обратил на него никакого внимания. Степан Родионович страдал, ему казалось, что стоит только подтолкнуть слегка ситуацию, и телега помчится, но рекламировать свою продукцию нельзя, иначе тут будет черт-те что, сотни авторов встанут у полок и давай драть горло. Но всё это несправедливо, имя у него пока неизвестное. Надо откупорить сосуд с этим джином, чтобы все поняли, с чем имеют дело. На днях должна выйти заметка в “Красной звезде”. Степан Родионович понимал необходимость рекламной кампании, но также понимал, что заметки этой будет мало.

Нет, не берут.

Оглядываясь, как карбонарий, автор “Сталинского дома” пробрался к полке, на которой этот “Дом” стоял, и, вынув первый том, поставил его лицом к возможному покупателю. Отойдя, опять затаился.

Возможность более полного знакомства с великой книгой никак не повлияла на продажи. Как не брали, так и не стали брать. Через пятнадцать минут работница магазина, проходя мимо этой полки, на автомате вернула “Дом” в прежнее положение. словно бы высунувшись перед покупателем анфас, он нарушил некие правила.

Степан Родионович позвонил Оскару Борисовичу и рассказал о своих наблюдениях. Тот весело рассмеялся и сказал начинающему автору, что карта торгового зала магазина расчерчена на своеобразные зоны, и поэтому одни книги лежат на прилавке рядом с кассой и там стоит фотография автора, а некоторые, как “Сталинский дом”, стоят корешком в мир, и есть весьма маленький шанс, что кто-то обратит на них внимание.

— Ну, так что же вы...

— Всё это стоит денег.

— За хорошую позицию надо платить?

— И немало.

— А кто должен платить? Издательство?

— В особых случаях — да.

— Так значит, я — не особый случай?

Оскар Борисович покашлял.

— Поймите, когда издательство рискует своими деньгами, оно старается их вернуть.

Степану Родионовичу открылась часть истины, впрочем, лежавшая не слишком глубоко.

— То есть с меня вы и так получили достаточно, поэтому...

— Ну, да. Хотя, вы же не можете сказать, что вас продают по бросовой цене.

— Что это значит?

— Вот вернитесь в магазин и сравните порядок цен. Ваш трёхтомник на три рубля дороже, чем трёхтомник Джойса, такой белый.

— Что это значит?

— Ну, пока не то, что вас считают фигурой превосходящей Джойса, но ваша книга...

— Я должен подумать. — Степан Родионович резко повесил трубку.

— Раньше надо было думать! — с чувством глубокого удовлетворения сказал в пустой эфир редактор.

Дни замелькали, как сумасшедшие. Старший сын не звонил. Средняя дочь тоже. Звонки младшей Степан сбрасывал. Сходил ещё раз в совет ветеранов с тем, чтобы испросить хотя бы часть суммы, которая зарезервирована на издание его книги в будущем году. Гафуров ответил, что не может никак, деньги в бюджете будущего года, они там, как за каменными стенами. А идти ни на какие махинации он не намерен. У него всё чисто, комар носу не подточит. “Сказал бы я тебе”, — подумал капитан первого ранга и почти хлопнул дверью.

Дома его ждал звонок со склада, где лежала основная часть книг: пора платить. Степан Родионович что-то подсчитал в голове, и вышло, что действительно надо. Накануне ему пришло письмо из банка с подобным же напоминанием. Он сел, открыл стол, где лежали записки, пересчитал бумажки. Выходило, заплатить он может только в одно место. Он позвонил на склад и спросил, что будет с книгами, если он затянет с выплатой. Ответом было одно скользкое, как змея, слово:

— Утилизация.

— Под нож пустите?

— Ну, да.

То есть вопрос решил сам собой — с квартирой можно подождать.

Но не собирався ждать Валерий, и, чтобы поговорить с отцом, он избрал неожиданный ход. Впрочем, по-житейски уместный. Позвонила его жена и мягонько так спросила о размерах кредита, полученного в банке. “Ага”, — сказала она в ответ, услышав сумму. Степан Родионович отчётливо ощущал, что пузатый сынок стоит рядом и нашёптывает ей слова.

— А погашать вы будете из своих... авуаров?

— Из своих, — ответил капитан первого ранга. Он испытывал острое желание прервать разговор, но понимал, что это единственный способ довести до сына всю финансовую информацию, на которую тот имеет право.

— И...

— Что — и?! Источник моих сбережений только жалованье. Воровать не обучен. Мой родной сынок мог бы припомнить своё детство. Как нам далась посредственная наша машина, и икрой мы его не обмазывали. Как только он сумел наесть такой живот!

Первым не выдержал Валерий. Схватил трубку и прокричал:

— Так значит, через пару месяцев наше родовое гнездо уйдёт в собственность банка?

— Пойдут продажи...

— Наивный папа! Не пойдут они! Нельзя продать то, что нельзя продать. Ты там что-то сочинил, ну, наверно, важное, но народу это по фигу.

Степан Родионович сдержался.

— Погашай кредит ты, у тебя вроде бы есть записочки.

— Ах, вот оно что! Ты хочешь, чтобы я выкупал квартиру, которая

принадлежит мне по праву наследования. Да я лучше куплю квартиру в новостройке!

— Какой новостройке! Разве сейчас так построят? Это ведь сталинский дом! — сказал Степан Родионович.

Сын почему-то взвыл на том конце провода. Хотя понять его нетрудно — это был вопль человека, которого заставляют платить за то, что он рассчитывал получить бесплатно.

— Плевать я хотел на сталинский дом, — просипел он, и трудно было понять, что имеется в виду, квартира или отцов труд.

Имел место и разговор с дочерью. Будучи подготовлен психологически, Степан Родионович без обиняков предложил, чтобы Света подключилась к общему проекту спасения роскошной четырёхкомнатной квартиры путём слияния капиталов. Света никак не ожидала такой хладнокровной решительности со стороны отца и сказала, что посоветуется с Олегом, этот, как всегда, был за границей.

— А что такого? Ты хочешь двухкомнатную квартиру, Валерка — четырёхкомнатную, помогите друг другу.

— А Нина?

— Я с ней не разговариваю.

— Папа, а ты что, всё до копейки угрохал в свою книжку?

— Разве она того не стоит?

— Стоит-то, может, и стоит... Нет, я посоветуюсь с Олегом.

Степан Родионович продолжал шляться по книжным магазинам. Был в сотом на Тверской, в “Молодой гвардии” на Полянке, в многоэтажном рядом с музеем Маяковского. Везде заставал одну и ту же картину. Книга не шла. Спросить продавцов прямо — продали ли они хотя бы один экземпляр, он не рещался, сразу будет понятно, что он автор.

Обратиться к друзьям? Обратился. Тот полковник, что имел разрешение на ношение, ответил ему прямым текстом. А текст такой: если бы Степану Родионовичу деньги были нужны на что-то существенное, например, на лечение, то одолжил бы. А тут, прямо скажем, какое-то баловство. Произнесено было так уверенно, что Степан Родионович смутился.

— Наше дело родину защищать, а не книги писать. Пусть даже и этакие.

Уже положив трубку, он придумал аргумент, что, если разобраться, деньги ему нужны как раз на существенное — на квартиру, его запросто могут лишить крыши над головой. Он сам, дурак, в договоре указал, что квартира — не единственное его жилище. Но не считать же жильём развалюшку в Тверской губернии!

Позванивал иногда Оскар Борисович, он всегда находился в весёло-философском состоянии, необидно шутил и ничуть не удивлялся тому, что “Сталинский дом” не пользуется никаким успехом.

— Нужна презентация.

— Что это? — Необразованность Степана Родионовича извинительна, в те времена ещё не во все направления нашей жизни вошли современные способы культурного продвижения издательского продукта. — А где это?

Оскар Борисович сказал, что нотная библиотека имени Михельсона будет рада его видеть.

— Это над Яузой. На первом этаже одной высотки.

— Бесплатно?

— Зал бесплатно.

— А что не бесплатно?

— Банкет.

Степан Родионович подумал, позвонил по записанному телефону, поговорил со скрипучим, но любезным голосом — это было в понедельник, — а уже в субботу явился по указанному адресу с двумя сумками напитков и еды. Как ни странно, Оскар Борисович согласился его сопровождать, и не только до библиотеки, но и в магазин. Давал путные советы по поводу того, что следует приобрести. Никаких тортов, бутылка коньяка только одна,

для председателя клуба, вино — сухое, побольше дробной закуски — оливки, нарезки. Все под шуточки и присловья.

— Колбаска, сырок, всё наискосок. Постепенно вырабатывается оригинальная отечественная фуршетная культура. Вот попробуйте купить копчёную курицу — все перепачкаются. Хотя давайте всё же одну купим. Ну, там, для оригиналов.

Приехали. Были встречены милой карлицей в огромных очках, с которой Оскар Борисович подчёркнуто расцеловался. Он вёл себя как завсегдатай, как успешный добытчик, все с ним раскланивались. Явился и руководитель клуба — опять поцелуи. Григорию Петровичу, человеку, в котором очень чувствовалась должность, Оскар Борисович продемонстрировал два больших пакета с книгами “Сталинский дом”. Надо сказать, что на дворе впервые со времён погромной перестройки стояла лёгкая идеологическая оттепель, когда стало возможным хоть в какой-то форме разговаривать о вожде народов. Да и то — только благодаря особому положению Оскара Борисовича в здешнем клубе и обещанию, что будет разговор аналитический, а не камлание в честь сомнительной фигуры.

— Вы меня знаете, — убеждал господин редактор.

Конечно, он должен был вести этот вечер. И потихоньку настраивался, отлучаясь в буфет за поддерживающей дозой из внутреннего кармана на этот раз довольно стильного пиджака.

Специальные женщины накрывали стол в тылу нескольких рядов кресел и стульев, что выстроились мягким полукругом перед двумя столами, за которыми предстояло расположиться Григорию Петровичу, гостю и господину ведущему.

Наконец, усьелись. Григорий Петрович взял слово: мол, время идёт, наступают периоды спокойного отношения к одиозным историческим личностям, и сейчас такой период наступает. Надо изучать, а не кричать на площадях. И перед нами вот товарищ капитан первого ранга со своим актуальнейшим трудом. Похлопаем.

Раздались вялые хлопки. Надо сказать, что в зале было примерно две трети занятых кресел, и большинство из них занимали старушки и старички, с чуть-чуть испуганным интересом рассматривавшие идеологических героев, решившихся кинуться в пучину такой зубодробительной темы.

Степан Родионович подумал, что для этой публики как раз неплохо было бы приобрести парочку тортиков.

Взял слово Оскар Борисович. Он вынул изо рта трубку, неопределённо показав ею что-то в пространстве, и в этот момент гроыхнула входная дверь в зал. И один за другим стали входить молодые мужчины чёрных костюмах с клепаными узорами, в высоких ботинках, а иные даже в чёрных очках. Они, не говоря ни слова, усаживались в задних рядах, заслоня собой бутылки.

Оскар Борисович не сбился, не затормозил ни на секунду с изложением своей витиеватой мысли. Словно появление банды громил в нотной библиотеке не было для него особой неожиданностью.

А Степан Родионович заволновался. Но решил, что, была не была, не станет он корректировать свою речь, от этой корректировки начнётся в голове полная сумятица. Есть план, будем его держать.

Товарищ капитан говорил на одном дыхании. “Да, — говорил он, — мы пытаемся объяснить себе, что случилось в нашем отечестве в те суровые годы. И невольно обращаемся ко временам ещё более ранним и не менее суровым, и постепенно в нашем сознании возникает образ дома, дома, где мы все живём и который защищаем, и ему хочется в какой-то момент дать имя. Что это, дом Александра Невского? В какой-то степени да. Может быть, Ивана Грозного? И опять-таки да. Петра Первого? Екатерины Великой? Столыпина? Безусловно. Возникает мысль, а всегда ли во главе государства был тот, кто заслуживает высокого имени строителя? Нет, конечно, были и вредители. При Грозном — Курбский, при Петре — сын Алексей, при Екатерине — Никита Панин. — Большинство присутствующих не знали, кто такой этот Никита, но дали себе слово выяснить и не полюбить его со всей

силой страсти. — Но больше всего их в наше время, — говорил Степан Родионович. — Тут и Керенский, и Распутин, и Ленин, и Парвус, и ещё один Никита, Хрущёв... Не говоря уже, уж извините, о героях перестройки, где господин Яковлев смотрится даже более зловещим образом, чем сам Горбачёв...»

Проговорив эти слова, Степан Родионович промокнул пот. Он ожидал какой-то резкой реакции в этом месте, но, кажется, пронесло.

— В моей книге, построенной по принципу “Божественной комедии”, для каждого хулителя и разрушителя найдётся место в пекле или во льду. Никто не ускользнёт от карающего меча. В качестве моего Вергилия я избрал Солженицына. Он мне необходим, потому что есть носитель якобы взвешенной позиции. Мы с ним иногда схлёстываемся в кратких словесных дуэлях, над головами отдельных личностей. И не всегда, я признаюсь, Солженицын побиваем моей точкой зрения, иногда я уступаю его объективности. Так вот к какой точке зрения я прихожу. Последний вариант нашего национального русского дома, который мы можем признать, есть сталинский дом. Мы разрушили его, но не до основания, ещё теплится жизнь в отдельных местах. Поэтому название именно такое. Нельзя же сказать, что Горбачёв что-то построил. Растаскиваем головешки с пожарища. А теперь вопросы.

В заднем ряду встал, по всей видимости, руководитель группы молодых бандитов и спросил, где они могут приобрести книгу.

— В книжных магазинах города! — не без гордости в голосе произнёс Степан Родионович.

Оскар Борисович влез сбоку в разговор.

— Но для вас припасён специальный экземпляр с подписью автора. — Он постучал трубкой по крышке первого тома.

Молодой человек счёл нужным представиться.

— Александр Петров, известный в определённых кругах под именем Крюк. Руководитель рок-группы “Стальные сплавы”.

Оскар Борисович заплодировал.

— Ты их знаешь? — шёпотом спросил Степан Родионович.

— Впервые вижу.

Герой вечера посмотрел в ряды бабушек и попробовал вернуть действие в русло.

— Ну, а теперь вопросы!

— Давайте все вопросы в неформальной обстановке, — опять вмешался редактор, указывая в сторону накрытого стола. Предложение было с восторгом принято. Оскар Борисович аккуратно отгеснил от капитана нескольких старушек с их худосочными вопросами и сделал всё возможное, чтобы Степан Родионович оказался рядом за столом с лидером рок-группы. Это был, несомненно, серьёзный человек. Он разговаривал, хмурия брови, и немного искоса поглядывал, словно не веря, что встретил человека, столь совпадающего с ним по взглядам.

Выпили водки. Оскар Борисович чувствовал себя на коне, с невероятной уместностью он вёл стол, не забывая упомянуть и отторгнутых бабушек, “которые ковали оружие победы в наших тылах”, и тех, “кто на переднем крае рвал в куски германскую военную мощь”, и “нынешнее поколение, что понимает жертвы отцов и готово подхватить знамя великой победы, не дать ему пасть в наше время меркантильного расчёта и всеобщей тяги к обогащению”.

— Чем я могу вам помочь? — наконец, спросил Степан Родионович Крюка.

Тот бросил в рот оливку и сказал, что помогать нужно не им, а общему делу.

Степан Родионович тоже съел оливку.

— Мы будем брать ваши книги на наши выступления. Экземпляров по двести-триста в зависимости от аудитории, ну, и торговать. Все деньги, разумеется, в вашу пользу. От вас потребуется только появляться в самом начале концерта, если можно, в форме и говорить два слова.

Предложение было шикарным, даже эти “два слова” не шли вразрез с тем, как мыслил свою роль полковник в деле возвращения родине её престижа и статуса.

— В форме? — спросил он глухо.

— Конечно. Нам тут нечего скрывать. Вы боевой офицер, у вас же есть парадная форма. — Крюк выпил водки.

Степан Родионович тоже выпил и кивнул. Попытался сказать, что в год окончания войны ему было всего одиннадцать лет, но его сбил с неприятной откровенности своей активностью Оскар Борисович:

— У вас, стало быть, есть уже и песни на тему?

— Пока одна, — сказал Крюк, — но будут ещё.

— Ну, вот видите, Степан Родионович, как всё складывается логично. Жизнь сама сводит нужных людей. Не только рок-композиции, столь необходимые молодёжи, но и тут же идейное обоснование в трёх томах. А будут покупать? — обратился он к рок-музыканту.

— Я скажу — будут.

На другом конце стола уже открыли книги, подаренные нотной библиотеке, водили бледными старческими пальцами по страницам, например, по тем местам, где описывалось, как Яковлев, тот самый, из Политбюро, кипит в смоле возмездия и рассказывает о том, как специально пошёл в партию, чтобы её разрушать. Это всё в отместку за раскулачивание. Те, кому не досталось книжки, запели “Артиллеристы, Сталин дал приказ”, и бледный директор библиотеки искусственно улыбался, понимая, что в этой аудитории по-другому быть не могло. Только бы не стало известно кое-где. Он не знал, где именно, но всё же... Это ведь всё равно, что запеть “Дойчланд убер аллес” где-нибудь в нотной библиотеке в Германии. Все уж подзабыли эти времена, а ведь было такое.

— Мне было одиннадцать лет... — силится быть честным Степан Родионович.

— Так что же, подпишем договор? — влез Оскар Борисович.

Крюка это канцелярское предложение ничуть не удивило.

— Завтра, — сказал он.

— За союз слова и ноты! Заметьте, всё происходит в нотной библиотеке. — Редактор поднял немалый фужер водки и обратился к трясущемуся директору: — Давайте выпьем за хозяина этого уютного логова, держащего нос по ветру перемен.

“А может быть, чёрт возьми, он и прав”, — устало подумал директор.

Разбудил на следующее утро Степана Родионовича неприятный звонок.

— Это ваши пачки посреди моего склада?

Голова капитана после вчерашнего не просто плохо соображала, а изрядно гудела, потому что они после библиотеки отправились с Оскаром Борисовичем в Дом журналиста. Он настаивал, что пора прибегать к богемной жизни, и кроме того, есть такое правило: если не отметишь события, его как бы и нет.

— Нет такого правила!

— Есть.

На пороге Дома “с самым лучшим в Москве буфетом” капитан всё же взял себя в руки. Он чувствовал, что пить дальше нет никакой больше возможности. Крюк укатил на какую-то оперативную квартиру, ему предстояло решить ещё кое-какие дела сегодня вечером.

— Нет, — сказал Степан Родионович, — не могу я больше пить и, главное, не хочу.

Сказал он это настолько прочувствованно, что даже сильно поддатый редактор ослабил хватку.

— Ну, ладно. Метро тут через дорогу. Но помните о правиле.

— Да нет такого правила.

На том и расстались. И вот неприятность с самого утра.

— Я же заплатил.

— Что ты заплатил, кому заплатил?

Степан Родионович не помнил фамилии, которому перечислялись деньги.

— Семенюку?

— Да, да, Семенюку!

— Труп твой Семенюк. Мне отошли все его гаражи и склады.

— И что делать?

— Забирай свои манатки, иначе всё пойдёт в печку.

Только в этот момент для капитана стали ясны размеры бедствия.

— Послушайте! Нельзя же так!

— А как можно? Сегодня ночью приходит два больших трейлера с контрафактом, и мне твои брошюры — как кость в горле. Забирай, прошу тебя, забирай.

Степану Родионовичу стало холодно стоять босиком на полу. Никакого решения в голову не приходило.

— Слушай, я дам тебе машину и грузчиков. За деньги, конечно. Только сваливай.

Что-то забрезжило.

— Я приеду.

— Час тебе, максимум — полтора, я загружаю самосвал. Если тебя через полтора часа не будет, он получит путевой лист на ближайшую свалку.

Который час? Половина восьмого. Куда отвезти священные кирпичи? Да, издательство. У них не может не быть какого-нибудь склада. В полвосьмого поднимать директора по такому сугубо транспортному делу... Да и где взять его телефон? Договор! Там были какие-то цифры. Полез в стол, одновременно одеваясь. Одной рукой натягивал спортивные штаны, другой раскрывал папку. Да, вот. Отчаяние придавало решимости. Чего он просит? Всего лишь перекантоваться сутки-трое, а там понаедут ребята Крюка.

Оскар Борисович почти мгновенно снял трубку, как будто и не спал вовсе. Или не ложился!

— Нет, — зевнул он, — телефона генерального у меня нет. Домашнего. А был бы, я не дал бы. Он выгонит за такую изобретательность.

— Так что же делать? — спросил Степан Родионович почти паническим тоном.

— А не поддаваться панике.

— Легко сказать...

— Сейчас поедем на склад. Захватите с собой все деньги, какие есть в доме. Предвижу траты.

— Да, мне сказал этот сумасшедший, наследник Семенюка.

— Дальше будет видно.

Когда таксомотор полковника подлетел к воротам промзоны, там уже маячила длинная вопросительная фигура в коротком плаще — редактор. Степан Родионович испытал чувство, похожее на благодарность. Впрочем, ему сейчас было не до чувств, требовались действия. Оскар Борисович коротко объяснил, в чём дело.

— Не пускают.

В серой будке у железных ворот виднелась большая голова с нагло выставленным золотым зубом.

Полковник постучал кулаком в шаткое, но реальное препятствие — железные ворота на висячем изнутри замке.

— Меня Семенюк прислал.

— Да хоть Лужков.

Ситуация идиотская. Ещё стояли времена отсутствия мобильных телефонов.

— Он же твой начальник. — Этим переходом Степан Родионович показывал всю степень презрения к халдею.

— Мой начальник Гаврилюк.

Чтобы не сводить с ума свою голову изучением местной иерархии, капитан длинно, по-морскому выругался, хотя и вполголоса.

— Разрешите позвонить, — раздался голос Оскара Борисовича.

— У меня нет телефона, и вообще — не положено.

Редактор достал из кармана початую бутылку коньяка.

— Хлебни, друг.

Пока золотозубый кряхтел после дозы, капитан проскользнул внутрь замызанной сторожки и тут вспомнил, что телефона Семенова не помнит, да и не знал никогда, а к тому же звонить надо тому, другому дядьке, что овладел его наследством. Что-то хрустнуло в груди Степана Родионовича — это его флотское сердце дало сбой в условиях бессмысленной жестокой суши.

— Сто пятьдесят семь! — крикнул золотозубый, то ли объявляя количество отпущено, то ли давая внутренний номер.

Капитан набрал сто пятьдесят семь, и на него обрушился поток матерных слов, из которого с трудом выуживался вопрос: чего вы там топчетесь, мы уже загружаем.

Оскар Борисович забрал у охранника бутылку, и они устремились в глубину территории, обходя кажущиеся совершенно бездонными лужи.

— Это что, мусоровоз? — в отчаянье воскликнул Степан Родионович, увидев страшный “КамАЗ”, стоявший тылом ко входу в известный склад Семенова. Там суетились какие-то люди, летали пачки книг из рук в руки и обретали упокоение в недрах до невозможности грязного автомобиля.

— Не мусоровоз, но мусор возил, — сказал редактор.

Протестовать было и поздно, и бесполезно, тем более, что большая часть пачек была уже загружена.

Водитель, неопределённого восточного типа человек в фуражке, надетой козырьком назад, спросил:

— Куда едем?

— Сейчас скажу, — ответил Степан Родионович, заглядывая в кузов. Пачки там лежали кое-как, что ранило сердце, но всё же было не так уж и грязно.

— Символично. С грани уничтожения книга возвращается к жизни, — сказал сзади редактор.

Водитель дёрнул его за рукав.

— Куда едем?

— Сейчас позвоним.

— У меня два часа, — сообщил со всей возможной враждебностью восточный человек, которого не интересовала отжившая своё время мудрость Европы.

Оскар Борисович посоветовал капитану сходить к сторожке, отдавая свою драгоценную бутылку.

— Я тут прослежу.

Он предчувствовал, какой у него будет разговор с Валерием.

— Что?! Я вчера лёг в три часа, а теперь ради твоей... я...

— Послушай, иначе отвезут на свалку.

— Там ей и место.

Возможно, в процессе разговора они бы и вышли на приемлемый результат, и Валерий пустил бы отца с его “КамАЗом” в свой дачный сарай, но Степан Родионович вспылил и сам бросил трубку. Выскочил вон из сторожки. Вернулся и выхватил у ласкового золотозуба бутылку — там ещё плескалось на доньшке граммов сто.

— Они пошабашили, — сообщил Оскар Борисович.

— Да, всё, — вытирая руки грязной ветошью, сообщил бригадир. И назвал какую-то несусветную сумму за работу.

— Стоп, стоп, стоп, — вмешался редактор, вытирая рукавом плаща горлышко принесённой капитаном бутылки, — дели на три и забирай.

— Что? — аж присел старший грузчик. Но тут же согласился: — Ладно, давай.

Водила уже сигналил из кабины — время!

Забрались внутрь.

— Откуда ты знал, сколько у меня денег? — спросил полковник.

— Даже боги не могут сделать бывшее не бывшим, а редактор может, — с ненужной загадочностью ответил Оскар Борисович. Как ни странно, такой ответ полковника устроил.

— Куда едем?

— К Светке. И без предупреждения.

Зарядил дождь. Мелкий, осенний, противный.

Водила угрюмо правил рулевым колесом, губы его шевелились, звуков слышно не было, но можно было догадаться, что с губ этих слетают сплошные проклятия.

“Мне бы твои проблемы”, — думал Степан Родионович, трясаясь на продавленном сиденье. Оскар Борисович сонно поглядывал на дорогу и кутался в плащ.

Сначала шли сплошные заборы промзон, кое-где украшенные поверху колючей проволокой. Дорога состояла из сплошных дуж, изредка попадались навстречу бедолаги на легковушках.

Светка снимала дачу в известном дачном посёлке километрах в восьми под Москвой, снимала необыкновенно удачно, буквально за копейки: кто-то из друзей Олега, надолго загремевший собкором куда-то далеко за моря, не стал брать с них полную сумму, главное — сохранность имущества. Степан Родионович справедливо рассудил: самосвал книжек — это не убыток для имущества, а прибыль. Да и лежать ему весьма недолго, судя по решительности Крюка.

Некоторое беспокойство? Ну, что ж, придётся пойти папе-полковнику навстречу.

Вывалили из бетонных теснин на трассу. Водила стал ругаться значительно отчетливее, хотя и по-прежнему бесшумно.

— Что-то мне это напоминает, — сказал Оскар Борисович.

Дождь усилился, усилились и звуки автомобильного встречного движения. Мелькали чёрные, кривоватые деревни с печальными и безнадежно пустыми автобусными остановками... Старуха с козой...

Степан Родионович радовался тому, что Светка так удачно поселилась: не надо форсировать столицу. Он чувствовал, что денег дал он водиле мало, при этом, кажется, лишил возможности полноценно халтурить где-нибудь на вывозе мусора.

Переезд. Могли проскочить, но шлагбаум опустился прямо перед носом. Долго ждали возникновения состава. Когда он появился, легче не стало, потому что полз он невероятно медленно, как будто неуверенный, стоит ли ему вообще двигаться.

— А это тебе ничего не напоминает?

— Как вы думаете, в посёлке там есть магазин?

— Откуда мне знать!

— Вы что, не навещали вашу дочь?

— Приглашала как-то.

Вагоны шли привычной линией.

— Как он не порвётся...

Водитель аж подпрыгнул на месте в ответ на удивление редактора.

— Послушай, друг...

— Я те не друг!

— Но не враг же! Будет магазин по дороге — тормозни!

— Чего?!

— Тормозни.

— Послушайте, Оскар Борисович... — поморщился полковник.

Проклятия, рассылаемые водителем разным ведомствам, начиная с небесной канцелярии, сделались слышны, и пассажиры услышали трагическую повесть о категорически не задавшемся дне, о подлой Москве, подлом Семёноке, который обманул с оплатой, и теперь ему, водителю, приходится ликвидировать его косяки.

Будь у Степана Родионовича деньги, он бы добавил обойдённому автомобилисту, но оставалась только мелочь.

Поезд кончился. Тронулись. И почти сразу же оказались у ворот Светкиного дачного посёлка. Тут тоже оказался шлагбаум, даже посолднее железнодорожного. И будка. Обитаемая. Внутри горел свет. Увидев, какая

громалина желает вкатишь на территорию обустроенного поселения, на порог вышел зевающий человек. Степан Родионович кинулся к нему.

— К Светлане Степановне?

— Ну, да.

Охранник покосился на самосвал, но ничего не сказал, наверно, потому что и так было ясно, что отец прибыл к дочери с самосвалом.

— Можно от вас позвонить?

— Отчего же... — сказал охранник, являясь, видимо, человеком, не любящим тратить слова зря. И вошёл вслед за гостем, потому что на улице по-прежнему лило.

Водитель самосвала от нетерпения начал подпрыгивать на ягодицах, Оскар Борисович напротив, вроде как задремал.

Появился радостный полковник.

— Сейчас приедет, — сообщил он.

— А почему они по телефону не дали команды пропустить? — поинтересовался редактор.

Пока полковник думал, в конце улицы, что начиналась за шлагбаумом, показалась белая, по-видимому, иностранная, машина. Такое впечатление, что знаменитый зять полковника сидел за рулём. Шикарно развернулся у будки, подмигнул охраннику.

— Ну, что там, скоро? — торопился всё сильнее водитель самосвала.

— Олег...

— Да, я вижу. И что, вы решили со всем этим ко мне на дачу, на которую нас пустили Христа ради?

— Но.

Олег посмотрел на Степана Родионовича сверху вниз, хотя не был в принципе выше ростом. Очки и зачесанные назад волосы давали такой эффект. Да и весь облик его был какой-то особенный, тут даже не в границе дело.

— И что же мне делать?

Водитель самосвала первым почувствовал, что дела обстоят плохо, и закрыл глазами. Степан Родионович закрыл глаза и сглотнул слюну. Перешёл сразу к сути.

— Здесь, в этом кузове, дело всей моей жизни. Здесь книга, которой ждут многие. И уже на следующей неделе первые гастроли.

— Что-что? — Олег поправил очки.

— Нашлись люди, очень современные люди, молодые, которые будут торговать книгой на своих концертах. Книга мгновенно уйдёт. Никто и не заметил, что она...

Олег смотрел на Степана Родионовича снисходительно, как только можно смотреть на сотрудника генштаба, решившего стать писателем.

— Неужели вы ещё не поняли, что книга ваша — тяжёлая графомания, а вся акция по изданию — разводилово.

Рядом почему-то оказался Оскар Борисович.

— Я официальный представитель издательства...

— Ну, так и подержите книгу у себя на складе, пока эти удивительные молодые люди будут торговать ею на концертах.

На это было совершенно нечего ответить.

— И не смотрите на меня так, Степан Родионович, как на двуличного, я хоть раз хвалил ваше сочинение?

— Но Света передавала...

— Выковыривала положительные слова из потоков брани.

Это были слова, переворачивающие для Степана Родионовича реальность. Он вдруг как-то сразу осунулся, одно плечо стало ниже другого, глаза сузились, как от внезапной боли. Он мог произнести любую другую фразу, но сказал:

— Так что же мне сейчас делать?

Олег отступил на шаг, одновременно разворачиваясь.

— Смотрите сами.

Хлопнула дверь иномарки. Хлопнула дверь самосвала. Поддетел водитель, вопя что-то нечленораздельное. Стало ясно, что больше он ждать не намерен. Оскар Борисович встал между ним и полковником.

— Милейший, сейчас мы что-нибудь придумаем. — Хотя было ясно, он то понимает, что в данном положении ничего придумать нельзя.

Хозяин будки стоял и с интересом разглядывал участников драмы.

Олег умчал, и в его отъезде зияла своя безжалостная справедливость. До сочувствия он не захотел подняться.

— Степан Родионович, хочу напомнить, что у вас есть ещё одна дочь. Скажите мне номер её телефона.

Полковник тихо произнёс сквозь потоки брани, извергаемые водителем самосвала:

— Она живёт в городе, на съёмной квартире. — Он назвал номер телефона Нины. Эта информация его словно опустошила, и он медленно присел на ступеньку у входа в будку.

Дождь припустил сильнее. Водитель самосвала вдруг стих. Могло показаться — он вдруг проникся положением человека, не стоящего на ногах.

Оскар Борисович уговаривал жителя будки позволить ещё позвонить, тот справедливо выражал неудовольствие. Сколько можно? Солидность гостей сильно пострадала от поведения Олега.

Водитель самосвала решительно пошёл к самосвалу. Запрыгнул за руль и, не закрывая дверь, взревел двигателем. Ни у кого не нашлось сил ему помешать. Задний ход. Мощный разворот. Огромный автомобиль действовал с ловкостью “жигулёнка”.

Это был выход из ситуации, не предполагавший звонка дочери, которого Степан Родионович не хотел, поэтому он остался сидеть. Может быть, он отвезёт всё это обратно на склад?

Оскару Борисовичу и хозяину будки стало просто интересно. Отъехал метров пятьдесят, самосвал стал моститься задом к кювету, закрипел, поднимая кузов.

Первым среагировал сторож. Он завопил про то, что нельзя, что строго пресекается, и побежал к самосвалу.

Оскар Борисович невозмутимо отправился звонить.

Степан Родионович остался сидеть. Поведение самосвала естественно вытекало из поведения Олега. И с этим ничего нельзя было поделать.

Самосвал, выпустив напоследок чёрное облако, уехал.

Сторож в неожиданных слезах стоял над кучей книг, внезапно ставших кучей мусора, и кричал, что этого нельзя делать. Полковник закрыл глаза, ему было нехорошо. Редактор описывал все эти события Нине.

Сторож вернулся, ноя. Он был в отчаянье. Он рассказывал, какие кары ждут его в связи с этим неожиданным подарком.

— Сдадите на макулатуру. Там тонны четыре, — сказал Оскар Борисович, раскуривая трубку.

Полковник не обиделся: понятно, что сказано только для того, чтобы утешить сторожа.

— Послушайте, — слабым голосом сказал он.

— Если вы мне дадите ещё раз позвонить, то очень скоро это всё отсюда уберут.

— Делайте, что хотите.

— Она сейчас приедет. С деньгами и с мужем.

Степан Родионович попытался встать.

— Нет. Оскар Борисович, не считите за труд. Позвоните Крюку.

Сторож сел рядом и обхватил руками голову. Он услышал слова про деньги, но ещё не понял, какое они имеют к нему отношение, и решил переждать в позе пострадавшего.

— Занято, — сказал редактор.

— Не волнуйтесь. Сейчас дочка подъедет. Мы тут... заплатим что-то. А потом ребята всё постепенно заберут.

Дождь прекратился, и даже в разрыве туч у горизонта проклюнулся луч света, как напоминание о том, что светлые моменты в жизни бывают.

- Оскар Борисович...
- Да, товарищ полковник.
- А вы что скажете?
- В каком смысле?
- А в самом прямом. Чего стоит моя книга?

Оскар Борисович пососал трубку, как будто добывал оттуда нужную мысль.

— Не сочтите за лукавство, но я отвечу лукаво. В области разума нет прямых, математических доказательств того, что ваше произведение хуже “Дон-Кихота”, и нет также доказательств, что оно лучше. Вообще, профессионалы сохраняют от профанов эту тайну, как одну из важнейших. Всё держится на сговоре посвящённых.

— А я профан?

— Безусловно. Но наделённый огромной творческой силой. Однако природа этой силы скрыта от вас. Кто знает, какова она?

— Вы имеете в виду вкус?

Редактор ещё немного пососал трубку.

— Можно и так сказать. Знаете, вкус ведь пассивное качество, он оценивает. Создаёт талант. В какой степени в процессе создания произведения участвует вкус, понять бывает трудно. Может быть, в большой. Но, с другой стороны, ведь смешно сказать: у Пушкина был хороший вкус.

— Почему?

— Потому что это как бы несущественно. Какое нам до этого дело? Наслаждаемся плодами деятельности таланта.

Степан Родионович посмотрел на часы.

— Ладно. Я вас понял. Мнение о произведении есть продукт сговора.

— Не простого сговора, но сговора самых умных. Причём сговора на протяжении известного времени, в каждый отдельный момент времени мнение и самых умных может быть ложью. Тургенев считал “Войну и мир” растянутым текстом, а теперь мы упиваемся длиннотами.

Степан Родионович помотал головой.

— Вот вы редактор...

— Редактор. Представитель читателя в издательском процессе. Моя профессия ближе к критике, чем к литературоведению.

— При чём здесь...

Но Оскар Борисович сел на своего конька:

— Литературовед — это ведь прозектор, он вскрывает литературное произведение, как труп, и должен описать то, что видит: печень увеличена, сосуды забиты... Критик — врач, он решает, живо ли то, что он читает, и будет ли жить.

— Помилуйте, не надо. Вы мне скажите как редактор, как критик, как человек со вкусом, почему вы носитесь со мной? Это от того, что моё произведение произвело на вас впечатление?

Редактор пожал плечами:

— А я не читал ваш “Сталинский дом”. Пойду ещё раз позвоню.

Степан Родионович остался сидеть на ступеньке, осознавая услышанное.

Кажется, дозвониться удалось. Слышался звук разговора. Редактор был потрясён услышанным, несколько раз переспрашивал. Потом задал вопрос, получил на него, видимо, развёрнутый ответ. Вернулся к полковнику.

— Крюк умер. Они после нашего вечера вчера купили бутылку “рояля”. В разной степени перетравилась вся группа. Два трупа.

— Каких два трупа?

— Холодных, наверно.

— Крюк... умер?

— Умер.

Пока происходило осознание размеров события и его влияния на судьбу “Сталинского дома”, приехала Нина. Отец с трудом поднялся ей навстречу. Чтобы дать близким родственникам поговорить, Оскар Борисович увлёк полковничьего зятя к тому месту, где сидел хозяин будки. Надо было решать вопрос с оплатой места хранения книги. Пока шла очень даже рьяная торговля,

Степан Родионович стоял, обнявшись с дочерью, и что-то шептал ей на ухо.

Оскар Борисович оговаривал сумму и подчёркивал её трубкой в воздухе.

— Меня уволят!

— А кто сказал, что это случилось в ваше дежурство?

— Да как это можно скрыть? Сменщик...

— Хорошо, а почему вы должны отвечать за действия каждого сумасшедшего водителя?

Степан Родионович продолжал обнимать дочь.

— Папа, поехали домой.

Наконец, всё уладилось. Хозяин будки ушёл к себе. Остальные сели в машину и под усилившимся дождём покатали прочь. У кучи книг остановились. Степан Родионович попросил взять, сколько войдёт в багажник.

Зять выскочил, взял под мышки две пачки, две в руки. Таким образом, получалось четыре. Один экземпляр взял Оскар Борисович.

— Почитаю на досуге. А остальное не сгорит. Мокрая бумага не самое лучшее топливо.

Однако он оказался не прав. Дождь кончился, мокрая бумага подсохла, и вечером того же дня, хищно прокравшись к куче книг с канистрой бензина, хозяин будки подпалил её.